

- и экзистенция. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 1999. 401 с.
4. *Пружинин Б. И.* Астрология: наука, псевдонаука, идеология // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 51–55.
 5. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 15–21.
 6. *Холтон Дж.* Что такое – «антинаука» // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 34–38.

«МЫСЛИМОЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК «КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИНЦИП» НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ Г. БАШЛЯРА

И. Я. Мацевич

В категории пространства на протяжении всей истории философской мысли концентрируется множество смыслов, каждый из которых выступает понятийным каркасом образа бытия природы и социума в культуре любой исторической эпохи. Изучение этого понятия, способ включения его в систему других категорий мышления определяет в целом характер осознания человеком мира и себя в нем. Исследование феномена пространства является необходимым условием развития не только онтологического, но и гносеологического проектов, так как восприятие событий через призму пространственных характеристик является основой их рационального познания. Всякое описание познания с позиции возникновения и развития знания возможно лишь исходя из статистических и динамических характеристик познавательного процесса. Это требует, в свою очередь, исследования специфики пространственно-временных измерений его объектов с позиций научного сообщества и познающего индивида.

Понятие пространства помогает не только выявить импликации познавательных процессов объективной действительности (фиксируемых в формулировках законов физических явлений), но и открывает простор для анализа и понимания самой природы познания, его генезиса и трансформации, выявляет специфику научного мышления.

Импульсом и основанием данного исследования послужила концепция историографии науки Г. Башляра. Отбросив позитивный эмпиризм как основание теории науки, Г. Башляр рассматривает историю гносеологии в свете актуальной познавательной работы, решающей сквозные (кумулятивные) проблемы и задачи; тем самым, выстраивая историографическую программу как следствие философских эпистемологических установок.

Отталкиваясь от анализа Г. Башляром понятия «реальности» и диалектического движения разума при изучении «данной реальности», видится возможным перейти к исследованию этой же проблемы, но на уровне фиксации смыслового поля «реальности» в понятии пространства. Исходя из выше изложенного, весьма важной задачей является проведение реконструкции развития научного мышления на основании анализа специфики представлений о пространстве в различных научных и философских традициях, трансформации евклидовой геометрии в неевклидову, а также экспликации тех понятий и философских конструкций, в которых выражался «феномен пространственности» в работах Платона, Аристотеля, Ньютона и Эйнштейна.

Безусловный интерес в этом контексте представляет обоснованная в трудах Г. Башляра идея «мыслимого пространства». Эта идея позволяет не только исторически корректно, но и конструктивно-эвристически проинтерпретировать динамику представлений о феномене пространства.

Исходя из этого, в данной работе предпринимается попытка эксплицировать категориальный конструкт «мыслимое пространство» не только как фундаментальную идею концепции Г. Башляра о «новом научном духе», но и как конститутивный принцип научного мышления на различных исторических этапах его становления и развития. Такая акцентация исследовательской задачи позволила сформулировать некоторые предварительные выводы:

1. Стремление Г. Башляра к диалектике приходит в конфликт с его «жесткой логикой разрывов», множащей дуализмы и несовместимости. «Логика разрывов» уменьшает значение историко-научных и эпистемологических анализов, проводимых Г. Башляром. Однако эта проблема фиксирует в философии Г. Башляра не принципиальное противоречие, а радикально новый проект анализа истории науки. История научного познания, согласно Башляру, проясняется эпистемологически в свете актуальной познавательной работы, решающей сквозную проблему. Используя данную методику анализа, он приходит к выводу, что не существует развития старых концепций в направлении к новым, но есть, скорее, некий «охват» старых идей новыми. Рассмотрение данной проблемы необходимо приводит нас к понятию «мыслимого пространства», которое охватывает собой все множество уже созданных научных и философских идей, теорий, систем, программ, имеющих на данный момент. Тем самым, пространство у Г. Башляра выполняет чисто формальную связывающую функцию. Духовные поколения (парадигмы) как бы «вкладываются» одна в другую. Поэтому «переход от неньютоновского типа

мышления к ньютоновскому характеризует вовсе не противоречие, а противодействие, которое позволяет нам найти упрощенный феномен внутри ноумена» [1, с. 69]. Таким образом, ньютоновская механика является частным случаем неньютоновской механики. Однако частное, согласно Г. Башляру, не может породить общее, а следовательно, и не существует в науке развития от простого к более сложному. Понять специфику эволюции научных идей позволяет анализ «мыслимого пространства», в рамках которого ученый творит новые теории.

2. В силу подобного рассуждения Г. Башляра возникает еще одно противоречие. С одной стороны, им не признается историческая преемственность старого и нового. С другой, – логическая связь между тем и другим оказывается неустранимой. Эта проблема оказывается надуманной, так как сама «прерывность», «разрывность» природы научного мышления в рамках функционального, «мыслимого пространства» оказывается неразрывной (континуальной). Научное мышление «разрывно» лишь как практически осуществленное измерение, что обусловлено дискретностью самой объективной реальности, прерывностью времени и микромира. «Пространство обычного восприятия, в котором находятся объекты, есть не что иное, как вырожденный случай функционального пространства, где образуются явления» [1, с. 251]. Наука же на уровне «мыслимого пространства» является инстанцией подлинной непрерывности, инстанцией континуализации.

3. Хотя Г. Башляр специально не фокусирует внимание читателей на роли понятия пространства при построении своей философской системы, однако, оно оказывается той фундаментальной категорией, которая как в философии Г. Башляра, так и в современной науке и философии в целом, определяет характер познания окружающей действительности и себя в ней. Значимость пространства как идеализированной категории, по Г. Башляру, заключается не в ее способности синтезировать, обобщать и объединять воедино, не в оформлении множественного и изменчивого опыта научной деятельности, но в представлении перед взором ученого всех имеющихся на данный момент теорий, систем, предметов физического мира как рядоположенных без какой-либо иерархизации, классификации, без какой-либо аксиологической окрашенности, без проявления генетических связей. Даже временные параметры в данном пространстве элиминируются, так как упраздненные длительности нельзя пережить вновь. Именно благодаря наличию пространства, мы находим в нем перекрестные окаменелости времени, и их конкретные формы обусловлены долгим пребыванием в определенном месте. Воспоминания тем более прочны, чем лучше они размещены в пространстве. Можно сказать, что

обращение ученого к этому гомогенному «мыслимому пространству» и позволяет функционировать собственно научному мышлению. Именно в этом континууме потенциальных суждений и умозаключений разум получает возможность выйти за собственные пределы благодаря тому жизненному порыву, который порождает пространство потенциальных смыслов, непрестанно вопрошающее о возможном, не отрываясь от «топоса» реальности. Оно жаждет объективации, поэтому будоражит мыслителя на вступление в поле ее бытия, на порождение творческого акта при соприкосновении с ее гетерогенной природой.

Литература

1. *Башляр Г.* Новый рационализм / Пер. с франц.; Предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. 376 с.

«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

О. В. Мащитко

Целью этой работы является исследование парадигмальных новаций, характерные для религиозной философии XX века, в контексте современного философского поиска. Изменения, происходящие в философии при переходе от классического к неклассическому периоду обозначают понятием «лингвистический поворот». К его основным чертам относят критику понятия субъекта, исследование смысла и значения, стремление рассматривать язык как предельное онтологическое основание мышления и деятельности, рассмотрение историчности оснований языка, описание его политических и социальных функций [4, с. 418–419].

Задача заключается в конкретизации этих тенденций применительно к религиозно-философской мысли XX века. Это позволит определить место религиозно-философских концепций языка в современном философском поиске, прояснить их функции в формировании нового понимания предмета и задач религиозной философии, переинтерпретации ее традиционных проблем.

Для реализации этих задач необходимо провести компаративный анализ, с одной стороны, православных и протестантских религиозно-философских концепций XX века (на примере философии О. Розенштока-Хюсси и П. Флоренского), для выявления инвариантных тенденций, характеризующих неклассическую религиозную философию, и, с другой стороны, базовых ориентаций в религиозно-философской мысли XX века и в исследованиях периода «лингвистического поворота».